

— Нет, всё совсем не так!

Приходилось признать: Цзян Цинъю был идеальным любовником. Сун Юй действительно питал к нему некоторую симпатию, но перед лицом Е Хэньжана она не значила ровным счётом ничего.

— Наш контракт с этого момента расторгнут. Я устрою тебя на подходящую работу и выплачу двести тысяч в качестве компенсации.

— Нет, мне этого не нужно! — Цзян Цинъю окончательно запаниковал. — Я не хочу уходить от тебя.

— Что такое, мало? — Сун Юй скривился в отвращении. Всё вышло в точности так, как и говорил Е Хэньжань: в глазах Цзян Цинъю были одни только деньги. — А теперь проваливай. Ты прекрасно знаешь, что бывает, когда меня доводят до гнева.

Чёрт возьми, этот подонок меняет гнев на милость быстрее, чем переворачивает страницы в книге. На улице лютый холод, а он вышвыривает меня на мороз!

— Даже если выгоняешь, назови хоть причину. Что я сделал не так? И к тому же, я был с тобой вовсе не ради денег.

— Если не ради денег, то, может, ты в меня влюбился? — Сун Юй усмехнулся, словно услышал нелепую шутку. — Что за глупости? Наша сделка никогда не подразумевала чувств, разве не так?

Между прочим, уровень симпатии всё ещё пятьдесят баллов. Откуда им взяться, если нет никаких чувств? — про себя огрызнулся Цзян Цинъю.

— За столько лет, что мы провели вместе, у тебя ко мне действительно нет ни капли чувств? — Лицо Цзян Цинъю побелело, он бессильно осел на пол, и надежда в его глазах, казалось, вот-вот выплеснется наружу.

— Разумеется.

Тонкие губы мужчины произнесли самые жестокие слова, раз за разом полосую им сердце. Цзян Цинъю поднялся, его и без того бледное лицо стало совсем серым, лишившись последних признаков жизни.

— Я понял.

Даже в этот последний миг, когда всё было кончено, спина Цзян Цинъю оставалась прямой.

Он, пошатываясь, вошёл в комнату, достал шкатулку из зизифуса размером с ладонь и, остановившись в прихожей, посмотрел на Сун Юя.

— А-Юй, если ты попросишь прямо сейчас, я останусь, не раздумывая, что бы ты ни велел.

— ...

Цзян Цинъюэ закусил губу и закрыл за собой тяжёлую входную дверь.

В квартире мгновенно воцарилась тишина. Сун Юй откинулся на спинку дивана, и лишь в одиночестве его ясный взгляд выдавал накопившуюся усталость.

Согласно первоначальному плану, стоило Е Хэньжаню вернуться в страну, как он должен был вышвырнуть Цзян Цинъюэ прочь и вести себя так, будто ничего не произошло. Он был обычным человеком и тоже умел бояться.

Но сейчас Сун Юй понял, что не чувствует той радости, на которую рассчитывал. Неведомые эмоции нахлынули волной, вызывая в душе беспокойство.

Ведь так было правильнее всего. Он дал Цзян Цинъюэ деньги и работу, не обидел его, выполнил свой долг, а значит, не было причин для чувства вины. Он любил Е Хэньжана целых десять лет, и эта любовь не изменится никогда.

Однако в глубине души раздался тихий голосок, сеящий сомнения.

Признай, ты не хочешь его отпускать.

Невозможно. Сун Юй закрыл глаза. В его сердце есть только Е Хэньжань, только он один.

Когда Сун Юй снова проснулся, взглянул на часы — было около четырёх утра. За окном царил мрак, казалось, пошёл мелкий снег.

Когда Цзян Цинъюэ уходил, он не взял с собой ничего, кроме телефона и деревянной шкатулки. В шкатулке, должно быть, были деньги, так что, добравшись до города на такси, он без труда найдёт жильё.

Сун Юй ослабил галстук, собираясь переодеться в домашнюю одежду. Открыв шкаф, он увидел, что все вещи разложены в идеальном порядке, рассортированы по сезонам и даже по цветам.

Всё как дома.

У Сун Юя не было дома. Детские воспоминания почти стёрлись, а с тех пор, как он начал себя осознавать, на нём лежало клеймо внебрачного сына. Его, словно робота, пичкали знаниями, чтобы он мог служить интересам семьи.

Чувство вины было слабым, но всё же оно было. Сун Юй достал телефон, чтобы позвонить Цзян Цинъю, но в ответ услышал лишь короткие гудки: абонент был недоступен.

<http://bllate.org/book/20217/2012534>